

А.Т. БЕРДИН

ТРАДИЦИОНАЛИЗМ КАК НАПРАВЛЕНИЕ ИСТОРИОСОФИИ БАШКОРТОСТАНА

Мақалада автор башқұрттардың тарихи, әлеуметтік-мәдени және этносыяси ерекшеліктерге негізделген дәстүрлі дүниетанымының мәнін саралап, жалпыресейлік және әлемдік иерархиядағы башқұрт этносының мәртебесін қарастырады.

Автор разъясняет суть теории и мировоззрения традиционалистов Башкортостана, основанной на исторической, социокультурной и этнополитической специфике республики, народа, достойного статуса этноса в общероссийской и мировой иерархии.

From the perspective of «philosophy of history», the current situation, in the socio-humanitarian sphere of Bashkortostan, is characterized by the author, as a situation of intense methodological research - the imminent paradigm shift. As one of the most promising concepts, proposed in Bashkortostan, in the search for methodological alternatives, this article examines the traditionalism as the direction of «philosophy of history» of Bashkortostan.

Современная социогуманитарная сфера Башкортостана характеризуется ситуацией напряженного методологического поиска, назревающей смены парадигм. С точки зрения историософии, речь идет не о концептуальном, а именно о более масштабном, парадигмальном поиске. Так, советская модернизация обосновывалась в массовом сознании башкир парадигмами исторического и диалектического материализма советского образца, наложенными на этнические традиционалистские стереотипы аграрного общества. Национальная башкирская интеллигенция мыслила в рамках советизма и, в историософском плане, на основе марксистского формационного подхода. В постсоветский период под воздействием смены идеологии

поменялись психологические оценки исторических персоналий и событий, но не методологические подходы.

Прослужив почти целое столетие, данная парадигма, очевидно, эвристически недостаточна в настоящий момент. Так, возможности формационной теории явно не соответствуют накопленному историческому знанию при интерпретации на современном научном уровне феноменов: а) башкирских восстаний, б) башкирского войска, в) башкирского национального движения начала XX века и Гражданской войны в России [1, с. 28].

Смена парадигм не означает отрицания предшествующего наследия. Так, еще в 90-е гг. Д.Ж.Валеев сформулировал некоторые принципиальные задачи историософии Башкортостана, актуальные до сих пор [2]. Это, в частности, преодоление европоцентризма, направление, обозначенное еще А.-З.Валиди; преодоление некритического применения исторического материализма (истмат), излишней идеологизации истории.

Но указанные недостатки носили не частный, а методологический характер, оставались и множились, в том числе в рамках либеральной историософской парадигмы, принятой самим проф. Д.Ж.Валеевым.

Методологически недостаточными на настоящий момент следует признать обе господствовавшие в 1980-2000-х гг. парадигмы: исторический материализм и попытки квази-либеральных обоснований истории.

Опыт критики исторического материализма в историософии Башкортостана, предпринятый автором, остался пока безальтернативным [3]. Что касается либеральной историософии Башкортостана, основным недостатком являлась ее дедуктивность [4, с. 224], заданность под определенные идеологемы («демократия», «перестройка» и т.п.), склонность к гипостазированию.

Заметна уязвимость сложившейся в 1990-е гг. официальной историографической парадигмы перед критикой с точки зрения конструктивизма и инструментализма узловых моментов башкирского этногенеза. Она объясняется тем, что и историко-материалистическая, и «национал-либеральная» парадигмы сформировались в стороне от дискуссии между концепциями примордиализма, конструктивизма и инструментализма.

Недостаточные даже в педагогическом плане интерпретации истории как непрерывной «эксплуатации народа» «при отсутствии собственной государственности» перешли из «истматовской» традиции в национал-романтическую, искажая анализ истории Башкортостана.

Традиционализм – течение очень разветвленное и разнообразное. В нашем понимании, традиционализм предполагает идейное объединение на основах общности цивилизационного выбора, и сотрудничество сторонников идей, к примеру, А.С.Панарина, С.Г.Кара-Мурзы, Л.Н.Гумилева [5; 6; 7], евразийцев, умеренных клерикалов, социалистов и даже либеральных консерваторов. В РФ вокруг концепции «Советской цивилизации» С.Г.Кара-Мурзы сложилось традиционалистское направление, которое условно называют «советский традиционализм» [1; 8, с. 60]. Для него характерно понимание советской цивилизации как своеобразной наследницы традиционной российской цивилизации [6].

Принципиальное отличие традиционализма как парадигмы, объединяющее все его ответвления: недоверие к самой теории прогресса. Традиционалисты, в зависимости от идейного направления, либо отвергают его существование, либо считают, что прогресс не обладает самоценностью. Все его достижения должны проверяться фильтром Традиции.

Традиционалисты Республики Башкортостан разделяют многие идеи «советских традиционалистов», но являются самостоятельной и широкой по воззрениям группой, обладающей собственными наработками. Для них характерно повышенное внимание к этнонациональной, социокультурной и религиозной специфике Башкирии. «Генетические» истоки традиционализма Башкортостана можно найти в оригинальном опыте синтеза традиционализма и марксизма (А.Андреев, А.Селиванов). Но антропологический традиционализм А.П.Андреева, несмотря на несомненное интеллектуальное влияние, остался несколько обособленным. В чисто социально-философских исследованиях башкирский традиционализм получил определенное развитие в работах и школе З.Я.Рахматуллиной.

Поиски методологических альтернатив в историософии Башкортостана активно подкрепляются историческими исследованиями: в частности, по ногайскому периоду [9; 10; 11], по советскому и постсоветскому периоду [8], с точки зрения социальной философии [1; 12; 13].

В настоящее время традиционалисты Башкортостана – самоорганизованное идейное объединение на цивилизационной мировоззренческой основе, возникшее спонтанно, подобно структурам, предвосхищенным в Манифесте партий цивилизационного типа (*Манифест, 2006*). В Сети Интернет одним из наиболее заметных в РБ проектов традиционалистов

Башкортостана (А.Т.Бердин, А.М.Буранчин, Р.Р.Вахитов, И.В.Демичев, Р.Д.Карамышев, В.М.Рогашев, Ю.М.Юсупов) стал сайт «РБ-XXI век», созданный ими в 2009 году. «Традиционалисты Башкирии считают, что возрождение отечественной цивилизации, «модернизации на основе собственной идентичности» (термин С.Хантингтона) легче производить не из центра, который слишком модернизировался и вестернизировался, а с периферии России, точнее из национальных республик России, таких, как Башкортостан, Татарстан, Чувашия, Адыгея, Дагестан и т.д., так как в них сохранился остаточный дух советской цивилизации в силу консерватизма населения и авторитаризма политических режимов. Развернутая в последнее время федеральным центром кампания по демонтажу национальных образований на территории Российской Федерации рассматривается советскими традиционалистами Башкирии как новый виток либерализации и модернизации, затрагивающий уже провинцию, унифицирующий Россию и уничтожающий ее «цветущую сложность» (К.Н.Леонтьев). С другой стороны, данная кампания спровоцирует взрыв этнонационализма коренных народов республик России, а поскольку этнонационализм несет с собой те же либерально-модернистские западнические интенции, то и этот фактор будет работать на дальнейшую либерализацию России и ее народов. Противопоставить этому можно программу советского традиционализма, учитывающего этническую сложность России, признающего ее в то же время единой евразийской цивилизацией, существенно отличающейся от модернистского Запада» [12].

Традиция понимается традиционалистами Башкортостана как устойчивая система норм, составляющих суть алгоритма развития и существования какого-либо исторически сложившегося сообщества (этноса, государства, цивилизации). «Традиция, на наш взгляд, есть система целевых и нормативных антропологических (мировоззренческих и ментальных) представлений и установок, выражающая сущностное ядро человеческого существования и мотивирующая поведение людей» [13]. «Собственная историческая сущность индивидуального и общественного бытия человека, проявляющаяся в его эмпирической истории, и есть Традиция. Она есть с нашей точки зрения живой и органический канон человеческого бытия, в котором исторический человек находит устойчивую опору (гарантированное бытие) для материального и духовного существования, обретает

чувство «достоверности бытия», доверие к жизни; находит свои предельные экзистенциальные смыслы и интересы (что становится приоритетной, свободно принимаемой системой ценностей и потому становится для него высшим авторитетом), эталон должного поведения; осмысливает свою жизнь, находит объединяющий «центр жизни» (прежде всего духовной), каковым для него являются убеждения и верования своего народа и свои собственные, а также основные культурные ценности» (А.П.Андреев) [14]. «История началась тогда, когда появилась традиция, т.е. осознание человеком временного потока, попытка «остановить», и тем самым – «измерить» время. Традиция закрепляет именно способы восприятия и измерения времени, «типы времени», весьма различные у разных цивилизаций и культур (Г.Гурвич). Этот «тип времени» воплощен в традиции, в своеобразном коде, и определяет алгоритм развития каждого народа» [1, с. 7]. В каждой культуре он несколько различается, и попытка «перескочить» с одного из них на другой, чуждый, чревата потерей ориентации данного общества во времени вообще.

Отказываясь от своих традиций, общество рискует стать «неисторическим», следовательно, перестать быть обществом, поскольку само общество – феномен исторический. Традиция – есть функция времени, следовательно, историчности. Образно выражаясь, традиция – это культурный «защитный фильтр», отсеивающий из временного потока то, что способно нанести вред обществу. «Традиция – это проявление универсалий бытия, иммунная система общества, фундамент и субстанция культуры. Проблема традиции является социокультурной формой проблемы сохранения сущности чего угодно. Это проблема идентичности, тождественности, самости и самобытности явлений» [15, с. 182].

Но традиция как таковая совершенно не отрицает перемен, инноваций в обществе в целом. Она отрицает те инновации, которые традиции противоречат, это противоречие – сигнал опасности для общества!

Какова реакция общества на опасность и способы снятия данного противоречия – уже иной вопрос.

Дихотомия «традиция – инновация» – это абстракция, редукционизм самого крайнего характера, не меньшего, чем деление общества на «классы» у К.Маркса. Актуально напоминание П.Б.Струве: «Надо помнить их границы и смысл! Русская социал-демократия об этом никогда не думала!» [16].

Известно, что одного без другого не существует в принципе. В научной, а не в политической дискуссии, обсуждается незамещение одного из данных феноменов другим, а их оптимальное соотношение в обществе. В зависимости от этого соотношения типологизируется само данное общество [17, с. 3-34.]. Согласно логике традиционализма, это соотношение у каждого общества свое, оптимальный вариант зависит от локальной по определению цивилизационной традиции данного социума и исторической конъюнктуры. Одна из задач традиционалистов Башкортостана – именно преодоление в общественном и научном сознании антиномичности данного противопоставления.

Соответственно, традиционализм – есть направление общественной мысли, суть которой – защита Традиции и развитие общества на основе Традиции, «модернизация на основе собственной идентичности», в терминологии С. Хантингтона. Одна из главных опасностей на этом пути – избежать ситуации типа «разрушенного общества» [18].

Одновременно традиционализм есть рефлексия традиционного общества. В современном мире она возможна только при понимании условности противопоставления «традиционное общество» – «современное общество». Общества, рассматриваемые как безусловно обладающие структурными элементами традиционного – Россия, Китай, Япония и т.д. – вполне современны во всех смыслах, кроме сугубо метафорического. Эти общества прошли через несколько волн модернизации, зачастую вполне успешной (СССР, КНР, Япония). Противоречия между модерном и премодерном в советском «традиционном обществе» были исторически во многом сняты. Советское традиционное общество, не теряя «традиционности», само являлось носителем мощных творческих интенций модерна. Напротив, как доказал А.С.Панарин, пафос глобализма в целом и антисоветского проекта в частности был во многом антимодернистским, «изменой Запада проекту Просвещения» [19].

При этом антитрадиционалистская направленность глобализма в отношении России сомнения не вызывает: «Россия традиционалистская, авторитарная, националистическая будет стремиться к совершенно иным целям. Западный демократ вполне мог вести интеллектуальный спор с советским марксистом. Но это будет немислимо с русским традиционалистом. И если русские, перестав быть марксистами, не примут либеральную демократию

и начнут вести себя как россияне, а не западные люди, отношения между Россией и Западом опять могут стать отдалёнными и враждебными» [18, с. 212].

Традиционализм как идейное направление широк настолько, что в современной нам обстановке цивилизационного выбора делит все российское и башкирское общество на две части – традиционалисты и нетрадиционалисты, причем традиционалисты – осознанные и неосознанные, составляют в России, тем более – в Башкортостане, явное большинство.

Важной особенностью традиционалистов Башкортостана является повышенное внимание к исторической, социокультурной и этнополитической специфике Башкортостана, стремление к идейной трансформации и вовлечению в свое идейное русло электората так называемых «башкирских националистов», точнее – патриотов. Потому, что «националисты» Башкортостана, с точки зрения анализа традиционалистов Башкортостана, исторически и идейно (исключая некоторых, единичных идеологов), по фактическому мировосприятию – скорее «народники», чем настоящие, «буржуазные националисты». А традиционалисты – методологически, во многом, именно современные «неонародники». С той башкирской спецификой, что признают особенности понимания «нации» в РФ, как определенного, достойного статуса этноса в общероссийской и мировой иерархии.

Укорененные ранее подходы в историософии Башкортостана на настоящий момент явно недостаточны при анализе наследия ряда интеллектуалов прошлого: Алдара Исекеева, Батырши, Мунира Хади, деятелей татаро-башкирского Просвещения. Упускается целый методологический пласт, тип мышления, считаем, сближавший, например, того же А.-З.Валиди со столь разными мыслителями, как В.И. Ленин, П.Б. Струве, и более очевидно – с политиками Востока: Махатмой Ганди, Сунь Ят-Сеном. Так, с позиций традиционализма открываются новые перспективы интерпретации наследия А.-З.Валиди, который относил себя к социалистам с национальной спецификой. Причем к социалистам, близким к эсерам, т.е. теоретически – наследникам народничества. И действительно, на практике его решение земельного вопроса никак не уместается в марксистские либо либеральные представления о прогрессе [20, с. 116.]. Но именно оно обеспечило успех мобилизации в башкирское войско, послужившее опорой всех его политических достижений. (В отличие от самих эсеров, пошедших в Гражданской

войне за меньшевиками). Именно понимание ограниченности модернистской парадигмы и главного противоречия Гражданской войны привело его к парадоксальному лозунгу: «Мы не большевики и не меньшевики, мы – башкиры!»

Сопоставительный анализ почти синхронно возникших автономий Урало-Поволжья: Забулачной республики и Республики Башкурдистан, а также виртуальных проектов типа Татаро-Башкирской республики, да и в целом развития очень близких национальных движений – татарского и башкирского, явно показывают эвристические возможности методов традиционализма. Это сравнение движений более «классически развитой» татарской «буржуазной нации» с крестьянской башкирской нацией обескураживающе для модернистских концепций, как марксистских, так и либеральных. «По законам» формационного подхода больших результатов должны были бы добиться именно татарские националисты. Но получилось наоборот, хоть и тяжелой для башкир демографической ценой за их традиционную активность в гражданских войнах.

Именно свобода от доктринерства при принципиальном сохранении собственных мировоззренческих основ позволила Валиди в терминах того времени ставить вопросы фактически в рамках цивилизационного подхода. Он не мог формально выйти за рамки прогрессизма, философии модерна в целом, но сама тенденция весьма показательна и ждет своего исследователя, свободного от догматики, апологетики либо обличительства.

При этом следует и заранее выделить уязвимые моменты в методологии А.-З.Валиди, тем более, что не критическое восприятие его идей, как и всего наследия российской эмиграции, уже имело место быть в «детский период» постсоветской историографии при знакомстве с ранее утраченным наследием.

При сравнительном анализе национализма и традиционализма здесь рассматривается национализм только в своих конструктивных, творческих, «просвещенных» вариантах, свободных от радикальной ксенофобии маргинальных направлений [16; 4,224].

Принципиальные различия между национализмом и традиционализмом заключаются, прежде всего, в том, что объектом рефлексии традиционализма является не отдельная нация, а цивилизация в целом. Национализм, как в либеральном, так и советском, «истматовском» исполнении основан на философии линейного прогресса и вынужден постоянно догматически

примерять действительность к собственным представлениям о том «как у других», «образцовых» наций.

Этот настрой ставит народ в заранее проигрышное статусно-ролевое положение догоняющего и вообще находится в русле психологии «догоняющей модернизации» – варианта, функционально и психологически проигрывающего предлагаемой традиционалистами «модернизации на основе собственной идентичности». Национализм воспитывает в народе виктимность, совершенно противоположную паттернам башкирского национального духа [13].

Традиционализм же как раз удачно этим паттернам соответствует, поскольку предполагает самоценность традиционного общества: Традиция ценна ее носителям сама по себе. Иначе ее просто не придерживаются и она – более не традиция, а архаика. Поэтому традиционализму чужды многие комплексы, значительно осложняющие историософию модернизации для немногочисленных народов. В частности, чужда изначально ущербная позиция «младшего брата», с неизбежной виктимностью, а главное – переложением исторической ответственности за трагедии собственной истории на плечи «старшего брата».

Например, в период краха СССР и до сих пор крайне распространенной формой отказа от собственного цивилизационного выбора, от солидарности и ответственности стала русофобия. Национализм не просто приемлет ксенофобию – стереотипно он без нее непредставим. Русофобия – не исключение. Политкорректные сентенции об «уважении к другим нациям в силу уважения к своей» непринципиальны для парадигмы в целом и дела не меняют. Для башкир же виктимность, а также ксенофобия в целом и русофобия в частности совершенно нехарактерны. Именно по этой причине национализм как тренд не пользуется среди башкир популярностью и проходит идеологической контрабандой – несмотря на уважение к интеллектуалам и лидерам, казалось бы, прочно ассоциировавшихся с национализмом: проф. А.-З.Валиди, шейху М.-Г.Г.Курбангалиеву.

Между тем, именно философия долга являлась характерной и определяющей для башкирской исторической психологии. Без нее были совершенно непредставимы подвиги героев башкирских восстаний, победа в которых в чисто военном плане была крайне маловероятна – и данный прогноз был хорошо известен элите народа, объединенного в военно-служилое сословие. Т.е. истинный результат этих войн для башкир (защита традиционного

общества в целом и высокого статусно-ролевого положения башкир в государстве) носил неявный, «отложенный» характер. Такая самоотверженность, характерная для «соборной личности» и альтруизма традиционного общества, отразилась в эпосах, дастанах («Урал-батыр», «Последний из Сартаева рода», «Карахакал и Салават» и др.). Этика защиты прав основывалась именно на жестко и безусловно воспринимаемых обязанностях, на психологии традиционного общества.

Традиционализм в сложившемся виде означает уважение к осуществленному цивилизационному выбору своего народа и обостренную рефлексию этого выбора, поиск методов для максимальной объективности данной рефлексии – ибо никакого оправдания чужой злой волей и заранее готового объяснения в виде «отклонения от правильного пути», «столбовой дороги цивилизации» традиционализм не предоставляет. Тревога защитника Традиции – сродни тревоге Х.Ортега-и-Гассета с его предупреждениями о постоянной угрозе бытию народа, незримой для толпы самодовольных мещан [21].

Но, в отличие от «правого», «метафизического» (мы бы сказали – «эзотерического») традиционализма, советский либо башкирский традиционализм не формирует при этом элитарного, жреческого сознания, четко сознавая его общественную опасность. Эта опасность осознана на исторической основе: распада СССР. А для башкир подкреплена всей народной философией этноса, формировавшегося как нация в отдельной квази-словной нише, обладая одновременно чертами элиты и трудового народа. Это связано с рядом факторов, включая, например, отсутствие у башкир такой культурологической травмы, как крепостное право, клановый по психологии характер легитимации элиты, феномен вотчинного права на землю. Поэтому неприятие элитарного эгоизма, противопоставляющего себя «темным массам» у башкир естественно, поскольку такой эгоизм губелен для их исторического общества (асабийя) [22], как стал губелен для общества советского.

Итак, традиционализм развивается в Башкортостане не как ретроградное течение, но напротив, как течение обновления отечественной историософии. Традиция задает константы, но эти константы выработаны самой историей, и они динамичны в историческом времени. К эвристическим достоинствам традиционализма относится также направленность на максимально возможную преемственность по отношению к своему историческому опыту, включая, конечно, накопленное гуманитарное знание. По-

сколько пафос защиты Традиции прямо противоположен разрушительной «модернизации ради модернизации», именно в традиционализме отсутствуют жесткие императивы отсеечения всего, что не соответствует четким критериям дедуктивно заданного очередного «единственно верного учения». Задача исследователя заключается именно в описании и рефлексии существующей традиции, а не в наложении доктрины на реальный жизненный процесс, сопротивляющийся такой вивисекции.

Литература

1. Бердин А.Т. В защиту традиции. Философский этюд. – Уфа, 2007.
2. Валеев Д.Ж. История башкирской философской и общественно-политической мысли. Основные тенденции развития. – Уфа, 2001.
3. Бердин А.Т. К вопросу о методологии изучения истории Башкортостана // Вестник Академии наук РБ. – Уфа, 2007. – №2. – С.24-30.
4. Ильин И.А. Путь духовного обновления. Собр.соч. в 10 томах. Т.1. – М., 1996.
5. Панарин А.С. Испытание глобализмом. – М., 2003.
6. Кара–Мурза С.Г. Кризисное обществоведение. – М., 2011.
7. Гумилев Л.Н. Этногенез и биосфера Земли. – М., 1997.
8. Буранчин А.М., Бадранов А.Ш. Республика Башкортостан в системе российского федерализма. – Уфа, 2009.
9. Азнабаев Б.А. Интеграция Башкирии в административную структуру Российского государства (вторая половина XVI – первая треть XVIII вв.). – Уфа, 2005.
10. Буканова Р.Г. Города-крепости на территории Башкортостана в XVI-XVII вв. – Уфа, 2010.
11. Юсупов Ю.М. История Башкортостана XV-XVI вв. (социально-политический аспект). – Уфа, 2009.
12. Вахитов Р.Р. Рождение евразийства. Эволюция П.Н.Савицкого от национал-либерализма к евразийству // Панорама Евразии. – 2009. – № 5.
13. Рахматуллина З.Я. Башкирская традиция (социально-философский анализ). – Уфа, 2000.
14. Андреев А., Селиванов А. Западный индивидуализм и русская традиция: http://www.gumer.info/bogoslov_Buks/Philos/Article/and_zapind.php

15. Кутырев В.А. Традиция и ничто // Философия и общество. – М., 1998. – № 6.
16. Струве П.Б. Избранные сочинения. – М., 1999.
17. Федотова В.Г. Неклассические модернизации и альтернативы модернизационной теории // Вопросы философии. – М., 2002. – №12. – С. 3-34.
18. Хантингтон С. Столкновение цивилизаций. – М., 2003. – С. 23. Самохин А.В. Исторический путь евразийства как идейно-политического течения: http://www.situation.ru/app/j_art_317.htm
19. Панарин А.С. Искушение глобализмом. – М., 2003.
20. Бердин А.Т. Евразийство и империализм // Научное наследие А.З.Валиди Тогана и современные проблемы федерализма в России. Материалы межрегиональной научно-практической конференции. 5-е Валидовские чтения. – Уфа, 2005.
21. Ортега-и-Гассет Х. Восстание масс. – М., 1991.
22. Турчин П.В. Историческая динамика. На пути к теоретической истории: Пер. с англ./ Под общ. Ред. Г.Г.Малинецкого, А.В.Подлазова, С.А.Боринской. – М, 2007.